

П. Н. Роговой

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПАЛОМНИК»,
МОСКВА, РОССИЯ

В. А. Щипков

ЖУРНАЛ «ОРТОДОКСИЯ»,
МОСКВА, РОССИЯ

Ю. В. Пуцаев

ЖУРНАЛ «ОРТОДОКСИЯ»,
МОСКВА, РОССИЯ

Р. В. Михайлов

ЖУРНАЛ «ОРТОДОКСИЯ»,
МОСКВА, РОССИЯ

Подпольный религиозный самиздат в советское время: свидетельство очевидца. Интервью с П. Н. Роговым

Аннотация. В советское время существовал не только политический или литературный, но и религиозный самиздат. Верующие люди для себя и своих единомышленников практически в подпольных условиях, прибегая к конспирации и прочим хитростям, печатали и распространяли религиозную литературу. О том, как именно это происходило, редакция «Ортодоксии» поговорила с непосредственным участником тех событий и процессов, видным представителем подпольного православного самиздата в советское время, генеральным директором издательства «Паломник» П. Н. Роговым.

Ключевые слова: религиозный самиздат, православное подполье, брежневское время, перестройка, П. Н. Роговой, В. В. Бурдюг, православные диссиденты, советское время

Для цитирования: Роговой П. Н., Щипков В. А., Пущаев Ю. В., Михайлов Р. В. Подпольный религиозный самиздат в советское время: свидетельство очевидца. Интервью с П. Н. Роговым // Ортодоксия. — 2025. — № 4. — С. 142–157. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-4-142-157

— Как началось Ваше участие в религиозном самиздате? Были ли тогда в этой области какие-то «партии»?

— Нет, никаких «партий» не было. Я вообще начинал переплётчиком у Виктора Бурдюга. Я тогда бросил учёбу в МГУ на историческом факультете и попал в нашу общину, которую возглавлял Александр Огородников. На тот момент я знал ещё только двух человек, которые занимались православным самиздатом. Одного из них, имени которого я уже не помню, потом посадили вместе с Виктором. Правда, он шёл отдельно, по отдельной статье. Но с Виктором шли ещё три человека, его друзья, которых посадили на несколько лет, то есть на три-четыре года примерно, насколько я помню. Один из них, кстати, я вспомнил, был Николай Блохин, который потом стал священником. Искали и меня, но не нашли, слава Богу. К моей маме в Норильске чекисты тоже приходили.

Так что в самом начале я знал ещё только двух людей, помимо Виктора Бурдюга, которые издавали в основном молитвословы, и качество у них было, скажем так, очень среднее — я имею в виду печать. А больше никого и не было. Но даже если бы нас было 10–20 человек, всё равно никакой конкуренции бы не было, потому что мы реально делали столько, сколько могли делать по максимуму. Дело в том, что всё упиралось в основном в вопрос, где это напечатать. Потому что печатали мы всё это, естественно, в официальных советских организациях. То есть это были небольшие научно-исследовательские институты, у которых были свои маленькие типографии. Маленькие типографии — это Ромашовов несколько стояло, печатный станок.

— **А о каких годах идёт речь?**

— Конец 1970-х — начало 1980-х годов.

— **Это самое начало религиозного самиздата?**

— Нет, начиналось всё раньше. Просто в конце 1970-х годов печатали уже не один и не два Новых Завета или молитвослова, а уже, скажем, тысячу или даже несколько тысяч. То есть это были уже реальные тиражи.

— **А что, уже был такой большой спрос на молитвословы и Новый Завет?**

— Конечно.

— **А как в целом всё это действовало, функционировало?**

— Существовала структура распространения. Например, я очень много книжек отвозил в Семхоз к одной матушке, которая, конечно, не говорила, куда передавала их дальше, но я понимаю, что она их отвозила к отцу Науму Байбородину, через которого шёл громадный поток подобной литературы. Ещё большую партию книг я привозил на одну квартиру, откуда они уходили, как я догадывался, в Прибалтику, в отдалённые монастыри. Сам я тоже возил книги и календари: арендовал «Волгу» у знакомых и возил книги в Пюхтицы. Я сейчас уже не помню всего в деталях, всё-таки прошло сорок лет, но в целом могу сказать, что распространение в основном шло через окраины, где чекисты не так лютовали.

— **То есть распространение шло в основном через своего рода сеть церквей и монастырей?**

— Смотрите, в целом всё выглядело примерно так. Например, в Москве в Первой образцовой типографии на улице Валовой печатали православные календари. Работники типографии в основном спекулировали всякими детективами. Напечатанное они выносили из типографии в листах, дома всё переплетали, как и мы, и делали книжки, которые потом продавали на чёрном рынке. И таким же образом они делали нам православные календари.

Они могли напечатать 300–400 экземпляров. А православные календари были тогда просто на вес золота. За них платили любые деньги, лишь бы получить календарь. И они делали большие листовые календари, такие сейчас уже не делают. Как-то я их попросил сделать дополнительный тираж. И они ночью на очень хорошей бумаге, которая была лучше, чем бумага официальных календарей, то есть намного толще, напечатали тысяч 10 или 15, я уже точно не помню. То есть это был очень большой тираж.

И я, так как календарей было много, поехал в Пюхтицкий монастырь. Потом, я возил продукцию по Псковской епархии, к знакомым священникам. Однажды я зашёл в незнакомый храм. Подхожу к женщине, стоящей за «ящиком», и спрашиваю, не нужно ли вам настенных календарей? Она на меня так хитро смотрит и говорит: да, конечно, нужно, но сейчас батюшки нет, приходите завтра. Я испугался, потому что понял, что, если завтра приду, меня, скорее всего, отвезут «куда надо». Это я рассказываю к тому, что просто через храмы распространять церковную литературу было нельзя. Я не мог прийти в какой-нибудь храм в Москве и сказать: «Не хотите ли вы Новый Завет купить?» Потому что это было очень опасно: советские старосты, «двадцатки», которые зарабатывали деньги и сдавали чекистам неудобных людей. Нет, были исключения, конечно, были хорошие православные «двадцатки», но, как правило, туда советские власти ставили *своих* людей.

В итоге мы эти календари отвезли в Почаевскую лавру вместе с другой литературой в большом количестве. В Почаев можно было отвезти всё.

— Скажите, а Вы за деньги литературу предлагали? И сколько что стоило?

— Конечно, за деньги. Я сейчас уже многого не помню, сколько что стоило. Новый Завет стоил примерно 20–25 рублей. Это, конечно, была очень большая цена, но и печатать, и распространять, и продавать его было трудоёмко, опасно и рискованно.

— Скажите, пожалуйста, а почему Вы вообще этим занялись? Какие мотивы у Вас были ведущие: религиозные, коммерческие?

— На рубеже конца 1970-х — начала 1980-х я учился на историческом факультете МГУ. Это был идеологический факультет. Я его бросил, перестал ходить на лекции, потому что к этому периоду жизни я обрёл веру. Мне невыносима стала ложь, которая была тогда неизбежной в трактовке исторических событий. Я уже не говорю про прямо идеологические предметы. Я не надеялся, будучи верующим, найти официальную работу. Однажды Виктор Бурдюг предложил мне поработать у него переплётчиком. Я с радостью согласился.

Кстати, с Виктором мы познакомились у отца Димитрия Дудко, в деревне Гребнево, где он тогда служил.

— А как Вы их нашли, через кого Вы туда попали? Как Вы узнали вообще об отце Димитрии и к нему приехали?

— Ну, об отце Димитрии трудно было не знать. У меня была добрая знакомая, которая впоследствии стала монахиней, матушка Зоя. Она всем помогала, и Саше Огородникову, и Димитрию Дудко. Как-то она меня привела к батюшке, там я и остался.

— А Вы туда поехали за религиозным окормлением или за общением, средой?

— За средой, скорее всего. Хотя через проповеди отца Димитрия, думаю, я и пришёл к вере. Так как у него действительно были проникновенные, очень хорошие проповеди. Ну, и хотелось соприкоснуться с близкими мне по духу молодыми людьми, непосредственного общения с единомышленниками, которых было много в окружении отца Димитрия. Мы обменивались философской и религиозной литературой. После богослужения батюшка устраивал чаепития, где обсуждались вопросы веры и церковной жизни. Я начал ходить в церковь ради этого общения. С этого началось моё воцерковление, и с тех пор я не могу представить свою жизнь без Церкви.

Но вернусь к моей личной истории. Когда Виктор позвал меня работать у него, была московская Олимпиада. Виктор снимал квартиру в Чертаново, чтобы там делать книги. Я поселился в этой квартире. Туда Виктор привозил отпечатанные листы книг. Эти листы фальцевались, потом мы их сшивали на специальном станке. Потом экземпляры обрезались. В день делалось примерно экземпляров двадцать Новых Заветов или молитвословов. Потом мы делали папки, тоже всё вручную — из картона и бумвинила. Папки потом проштамповывались, на них пропечатывалось золотой фольгой название, «Новый Завет» или «Молитвослов». Книги нельзя было отличить от типографских. Готовые книги Виктор забирал и увозил ближе к полуночи, чтобы было меньше свидетелей нашей деятельности. После того как его посадили в 1982 году, я долго прятался.

Виктору дали четыре года. Через полгода, когда меня перестали активно искать, я приехал к его жене Екатерине. Она сказала мне, что к ней обращались бывшие знакомые Виктора, оставшиеся на свободе, с которыми он прежде работал. Они хотели продолжить печатать литературу. Я не мог отказаться, таким образом всё и закрутилось. Могу сказать, что книг мы выпускали даже больше, чем при Викторе Бурдюге.

— По сути, получается целая альтернативная экономика в книгоиздательском деле.

— Безусловно, это было нашей работой. Хотя мы, конечно, зарабатывали деньги, но это было не главное, понимаете? Это была помощь

Церкви — печатание Нового Завета, молитвословов, которых не было в стране и которые были необходимы верующим. Ведь верующие люди вынуждены были переписывать молитвы и Евангелия от руки. Я видел такие тетради, в них было множество ошибок. Поэтому нашей целью было ещё и церковное просвещение.

Вот, например, журнал «Вечное», который издавался в Париже. Вот образец того, как мы делали эту книгу. Материал бумвинил, который шёл на обложки, продавался везде, его покупали в больших количествах в магазинах. Так делали очень популярные книжки. Например, про Оптинских старцев или о Великом посте. Они пользовались большим спросом, помимо Нового Завета и молитвослова.

Мы печатали по несколько тысяч каждого номера этого журнала. Это был очень хороший просветительский, как сейчас говорят, проект.

— Скажите, пожалуйста, а как Вы их получали оттуда, несмотря на железный занавес?

— Это было как раз достаточно сложно, но возможно. Их перевозили дипломаты и неравнодушные к России иностранцы. Например, отцу Димитрию Дудко до его посадки привозили книги целыми чемоданами. И мы у него их брали. Были мои друзья, все диссиденты, которые тоже общались с иностранцами и тоже таким образом получали книги.

— То есть это полноценный самиздат, потому что обычно, когда используют понятие «самиздат», представляется примитивная копия, которую печатают на печатной машинке.

— Машинку мы использовали только для того, чтобы получить образец для дальнейшей печати. На машинке можно получить только три-четыре экземпляра. В случае ксерокса выходило минимум там 20–30 экземпляров. А если печатать на Romayor, то выходило до тысячи экземпляров.

— Скажите, а что было, на Ваш взгляд, наиболее востребовано?

— Да всё практически. В том числе и серьёзная духовная литература. Например, Михаил Александрович Гольдфельд печатал только святых отцов. У него сейчас издательство «Правило веры». Он печатал книги отцов Церкви, делал их очень красиво и очень дорого. Так что книги святых отцов тоже пользовались большим спросом. А все его книги распространялись через мои структуры, потому что у него своего распространения не было. Всё зависело, конечно, от количества. Он больше 30–50 экземпляров не делал.

Популярные книжки можно было делать любым тиражом. Я уже не говорю про молитвословы и Новые Заветы. Их просто можно было печатать сколько угодно.

— А где Вы брали людей в сотрудники и помощники, например, переплётчиков?

— В основном из знакомых. Например, со мной сотрудничал Алексей Худяков. Он жил на первом этаже, что было очень важно, потому что сшить книгу и сделать обложку — это всё несложно, а вот обрезать листы, чтобы они не торчали, — на это был нужен специальный станок, который мы называли гильотиной. Я сделал чертёж такой гильотины. Я тогда числился разнорабочим на Электроламповом заводе рядом с метро «Электроводская», и по моему чертежу рабочие мне изготовили пять станков. Мы её вывезли с заднего двора на «Жигулях». Но они были такие тяжёлые, что у автомашины даже сломались рессоры. Эти станки оказались очень удачными.

Поэтому было очень важно то, что Алексей Худяков жил на первом этаже. На первом этаже никто не слышит шума через пол. Алексей обрезал очень много книжек. Через него шло много литературы.

Хотя иногда книги обрезали и в типографиях. Там тоже один наш знакомый работал сторожем, и он снабжал нас всяким подсобным материалом, например, нитками, потому что это купить было нельзя — полиграфические нитки, специальный клей. А без этого книжку не сделаешь. Иногда мы к нему ночью приезжали на машине, и он там обрезает книги. Всё это в целом было очень сложно и рискованно.

Мне печатали календари даже вохровцы (сотрудники вневедомственной охраны) Первой образцовой типографии. Они напечатали, они и вывезли, всё сделали.

— А они знали, что они делают, с чем они сталкиваются?

— Конечно, но это были для них большие деньги, они не упускали случая заработать. Ближе к перестройке их всё-таки посадили. Но, к счастью, церковные книги не фигурировали в деле. Виктора Бурдюга, кстати, тоже посадили именно за хозяйственные преступления, так сказать. Ему дали не политическую, а хозяйственную статью.

— Скажите, вся типографская деятельность размещалась по частным квартирам преимущественно?

— Переплёт находился только на квартирах.

— То есть, получается, это подпольная такая деятельность была?

— Полностью подпольная.

— А правила конспирации какие-то были?

— Были, конечно. Например, приезжали всегда вечером, когда мало народа у подъезда, когда бабки там не сидят и не смотрят, как ты

таскаешь огромные сумки. Это всё было очень опасно. Один раз вот так я тоже с сумкой приехал, думаю — ничего страшного, ловлю такси, а тут ко мне подходит милиционер: «Давайте пройдем». А у меня в сумке календари. Но слава Богу, что календари, а не молитвословы, например. Но всё равно пришлось заплатить какую-то большую сумму, одну или две его месячные зарплаты. Я ему отдал всё, что у меня было. Если бы у меня было больше, он бы взял больше.

— **То есть коррупция уже тогда была?**

— Коррупция всегда была среди этих, так сказать, товарищей.

— **А как Вы объяснили наличие календарей?**

— Да им было всё равно.

— **А иначе что было бы, статья или что?**

— Ну что бы было... Меня бы арестовали, скорее всего. Стали бы выяснять, откуда эти календари. Во-первых, я уже тогда был на нелегальном положении. Моя прописка, которую мне дали, когда я поступил в университет, закончилась. В итоге меня, наверное, посадили бы. Года два-три дали бы по статье о хищении социалистической собственности. К тому же я уже проходил свидетелем по делу Виктора.

— **А когда обстоятельства изменились и Ваша деятельность стала открытой и легальной?**

— Первая моя книга, выпущенная не в подполье, приходится на 1990 год. Она называется «Великий пост и Светлое Воскресение». Это было первое светское издание православной книги. Тогда книгоиздательством могли заниматься только совместные предприятия, но все совместные предприятия печатали детективы, а мы решили напечатать книгу религиозную, церковную.

— **Каким тиражом она вышла?**

— 100 тысяч.

— **Всё разошлось?**

— Ещё бы. Я помню, что ко мне приезжали архимандриты в чёрных «Волгах» за этими книгами.

Была издана ещё книга для детей «За что мы любим Бога?», но её уже чуть позже напечатали, в 1991 году. Она была очень востребованна. Итоговый тираж — 300 тысяч экземпляров, но не сразу. В первый заход, сразу — 150 тысяч экземпляров.

Это была ещё эпоха больших тиражей и огромного духовного голода. Эти книги были необходимы верующим.

— **А с какого года за эту деятельность перестали сажать?**

— В перестройку, как только стали выпускать политзаключённых, например, Огородникова. Тогда же за это перестали и сажать. Меня именно в этот момент чекисты повязали, но уже, слава Богу, не посадили.

— **Какой это год был?**

— 1988-й, насколько я помню. Народ отпускали, уже тысячелетие Крещения отпраздновали. Как-то поспокойнее стало.

— **Скажите, пожалуйста, а как Ваша система выглядела в общих чертах? Большая была сеть распространения? То есть это были конкретные люди или конкретные монастыри?**

— Конкретные люди. Я уже не всё помню, но вот то, что я помню, — многое расходилось через Троице-Сергиеву лавру, многое через Почаевскую лавру. Я привозил к поезду большущую сумку с книгами, и она отправлялась в монастыри. Туда очень много книг уходило, можно было посылать их сколько угодно. Или матушки, которые тоже очень чётко работали. Я им книги привозил вечером, когда на улицах почти никого уже не было. И они мне намекали, что переправляют их в Прибалтику, в отдалённые монастыри, куда приезжает много паломников. Чем дальше от центра, тем меньше контроля.

— **А почему именно в Почаев Вы отправляли?**

— Потому что там был человек, который этим занимался.

— **Скажите, когда Вас позвали помогать переплётчиком, Вы уже были православным?**

— Да, я тогда как раз пришёл к вере. Почему я бросил университет? Потому что не смог там учиться. Я специализировался на кафедре феодализма и ушёл с третьего курса, когда начались все эти идеологические дисциплины: история Советского Союза, политэкономика. Весь третий курс истфака — сплошь классики марксизма-ленинизма. Мне просто уже невозможно стало учиться, и я ушёл.

— **Скажите, а Вы в своей деятельности пересекались с представителями политического самиздата?**

— Да. За это Виктора Бурдюга и посадили по большому счёту. Если бы он занимался только православным самиздатом, о нём, скорее всего, не узнали. Ну, то есть не то чтобы не трогали, но так бы за ним не следили. А он стал встречаться с энтээсовцами — главными врагами советского строя. Естественно, за ними за всеми следили здесь в России, таким образом и на Виктора вышли. Хотя под конец перестройки уже и я печатал и журнал «Посев», и «Грани». А также журнал «Выбор» для Виктора Аксючица.

— А были просоветские православные типа Шиманова, Вы не общались с такими?

— Нет, наоборот, мы с Виктором полемизировали с ними, что-то даже писали в опровержение их взглядов. В кругу моего общения все мы были, конечно, против советской власти. А как иначе? Она давит нашу Православную Церковь, а мы что, должны ей помогать как-то? Я и к Православию пришёл по большому счёту через отрицание советской власти.

— А Вы чувствовали, что в этом антисоветском лагере есть сильный, так сказать, либерально-западнический уклон или течение?

— Конечно, я чувствовал. Как православные мы, безусловно, были далеки от «Хроники текущих событий», иных западнических диссидентских изданий. Мы это не поддерживали, потому что они были далеки от нас. Они либералы, совсем другого направления. То есть они нам были неинтересны, скажем так.

Но и советскую власть мы не принимали.

— А среди православных диссидентов много было монархистов, не помните?

— Много, конечно. Почти все мои друзья были ими.

— То есть монархизм воспринимался как что-то естественное для православного человека?

— Я, к сожалению, не был монархистом, но вот...

— Почему к сожалению?

— Ну как... Это же хорошо и правильно — быть монархистом. Я искренне так думаю. Но, к сожалению, сейчас это нереально. Надо же реально смотреть на вещи. Все мои друзья были монархистами.

— А кем Вы были? Помимо того что православным?

— Я был противником коммунистических идей, православным анти-советчиком, вот и всё. Либералом я тоже не был.

— А существует, с Вашей точки зрения, разница в той эпохе между православными диссидентами и православными подпольщиками или это одно и то же?

— Все мы были настроены против тоталитарного государства, которое преследовало Православную Церковь. Но к диссидентам я себя не относил. Да, всех, кто не принимал советскую власть, было принято называть диссидентами. Но диссидентами были те, кто открыто себя так позиционировал, подписывал всякие меморандумы и прочее. Мы же были подпольными пусть и диссидентами, но ничего нигде не подписывали. Мы делали другое дело.

Понимаете, вся русская интеллигенция на тот момент была настроена антисоветски. Но таких, кто что-то подписывал, было меньшинство. Однако все слушали «Голос Америки», вели на кухнях антисоветские разговоры. Но именно из нас никто не боролся с властями, грубо говоря, за свержение режима.

— А как называлось Ваше издательство? Было какое-то название?

— Нет, конечно. Какое название?

— Ну, может быть, неофициальное какое-то название.

— Не было никакого названия. Наоборот, в те времена чем меньше про тебя знают, тем лучше.

— А как Вас другие называли? Ну, те, кто книги получали, они же Вас как-то определяли.

— Я не знаю.

— По фамилии называли?

— Нет, фамилию никто не знал. Многие меня знали как Константина. Я скрывался под этим именем. Вообще конспирация была обязательной, конечно. Например, мы даже сжигали остатки бумаги, которые оставались после обрезания книг. Поэтому я и продержался так долго, до перестройки.

— А люди вообще религиозную литературу не так боялись, как политическую?

— Я думаю, что в 1970–1980-е годы нам политическую литературу не стали бы помогать печатать. С религиозными книгами было всё же намного легче.

— А где этот раздел между религиозной и философской и политической литературой проходил? Вот Бердяев, например, — это религиозные или философско-политические книги? Скорее политические, наверное? Хотя он и на религиозные темы может рассуждать. Вы философов печатали каких-нибудь?

— Разве что для себя, но не для распространения, конечно. Потому что Бердяева было непонятно, кому его продавать, потому что спрос был очень маленький. Хотя, например, некоторые ИМКА-прессовские книжки мы также печатали. Ещё были популярны книги отца Александра Ельчанинова.

Когда моих друзей таскали в КГБ, комитетчики им говорили: «Мы сами патриоты». Там на самом деле многие были патриотами. Хотя они по-своему, конечно, понимали патриотизм. Даже давали понять, что они

как бы внутренне нам сочувствовали. Мы, мол, тебе сочувствуем, но над нами тоже есть начальство. Не знаю, насколько они были искренни.

— **Но сажали всё-таки. Сочувствовали, но сажали.**

— Сажали в основном всё-таки в провинции, подальше. В Калуге моих друзей посадили всего лишь за то, что они читали какой-то пустяшный самиздат. Не намного, но посадили. А в Москве Виктора Аксючица прихватили с двумя чемоданами, в основном с тем же Бердяевым и Солженицыным, забрали его, но не посадили. А в провинции хотели выслужиться. Выслужились, посадили и пошли наверх. А здесь самиздат — ну, обычная история. Тем более человек известный, зачем привлекать к нему внимание, создавать ему имя?

В общем, те люди, которые сами этого хотели, били себя в грудь и всё подписывали — их сажали, конечно. Но человек, который тихо занимается философией, — зачем его трогать? Даже если он антисоветчик. Ну, а кто тогда не был антисоветчиком? Все всё понимали. И всё зависело от того, какую личную стратегию человек выбирал, от психотипа всё зависело, так сказать.

— **Как Вы думаете, подобный уникальный опыт советского самиздата может быть полезен сегодня или когда-нибудь в будущем?**

— Он оказался мне полезен в том плане, что, когда началась перестройка, я основал издательство. Это было нелегко, и мне пригодились те решительность и смелость, которые я приобрёл, работая в самиздате. Приходилось начинать строить абсолютно новое дело, вкладывать все свои деньги, когда вообще неизвестно, что будет завтра. Сколько я себя помню, когда вкладываешь, всегда рискуешь. Так что такой опыт мне и пригодился в перестройку.

— **А жили Вы где?**

— Снимал квартиру.

— **Приходилось их менять?**

— Конечно, приходилось. Интуиция у меня уже была как у волка. В первых, чтобы снять квартиру, надо было паспорт показать. А паспорта были тогда на скрепке. Я эти скрепки открывал, у моего приятеля брал прописку, вставлял — так показывал, что у меня есть якобы московская прописка. И я накануне знал, что ко мне завтра придёт хозяин с проверкой. Он мне, естественно, не звонил, но интуиция до такой степени обострилась, потому что постоянно ходишь под чекистами, под опасностью. Иногда у меня по две квартиры было. Потому что были такие моменты,

когда надо было где-то хранить большое количество книг. Вот и привозишь их на съёмную квартиру. А завтра ты их отвозишь на вокзал, чтобы переслать, например, в Почаев.

— **С баптистами никогда не сотрудничали?**

— С баптистами — да, им спасибо большое. Но с советскими не сотрудничал, а с иностранными сотрудничал. Они мне помогали. То есть они привозили Новые Заветы, которые я тоже возил в Троице-Сергиеву лавру. И по моей просьбе они привезли мне специальный станочек, чтобы делать книги. Зелёный такой, небольшой. Это был большой дефицит. Они мне их штук пять привезли. Я им очень благодарен за это.

Помню, как мы встречались с ними на Даниловском кладбище и они мне передавали сумки с Новыми Заветами. Интересно, что такая взаимопомощь с баптистами была, несмотря на религиозно-идеологическую стену, которую они жёстко ставили.

Нигде не афишировалось, что на самом деле у протестантов, в отличие от нас, православных, были свои подпольные типографии. То есть они делали гораздо больше книжек, чем мы. Но про них никто ничего не знает.

Виктор Бурдюг уже под конец, незадолго до своей посадки, хотел даже купить на меня дом в Подмоскowie, я в этом доме жил какое-то время. Он туда привёз разобранный печатный станок Romayog. Я думаю, что никогда бы у нас до этого не дошло, чтобы собрать самим этот станок и на нём печатать, но такие мысли были. Виктор говорил: «А что, баптисты могут, а мы что, не можем, что ли?» Притом что работало у него всего пять человек.

— **А как Вы видите дальнейшее развитие Вашей деятельности, если бы не было перестройки?**

— Ну, посадили бы меня.

— **Вы думаете, так было бы?**

— Да однозначно, потому что уже под конец меня чекисты вычислили и, так сказать, дёрнули. Они со мной имели две беседы, и я даже подписал, что больше не буду заниматься религиозным самиздатом. Это было серьёзное предупреждение с их стороны. Когда на тебя два чекиста наезжают три или четыре часа, ты уже никакой, и они просят под конец подписать обязательство не заниматься, то всё очень тяжело. Ну, я, конечно, пошёл на уступки.

— **Это какой год был?**

— 1988-й. Я им уже был нужен не как издатель. Среди моих друзей было много известных людей, и чекисты хотели, видимо, меня, так

сказать, зацепить, чтобы я стал стукачом. Книги их тогда уже не волновали. Так что меня спасла перестройка.

— Или второй вариант: был бы дом в Подмоскowie с уже более масштабной подпольной печатью.

— Нет, вряд ли. Это были утопические планы, тем более что я жил без прописки.

— Вообще купить дом в Подмоскowie — это недёшево, наверно, было?

— Дело не в этом. Дом-то купить было недорого в те времена, но прописаться там было невозможно. Виктор хотел купить дом на моё имя, но у меня не было московской прописки.

Сведения об авторах:

Павел Николаевич Роговой — главный редактор издательства «Паломник», 111524, Москва, ул. Плеханова, 15, e-mail: 5462533@gmail.com

Василий Александрович Щипков — доктор философских наук, доцент МГИМО МИД России, директор Русской экспертной школы, первый проректор РПУ св. Иоанна Богослова, заместитель главного редактора журнала «Ортодоксия», 119454, Москва, просп. Вернадского, 76, e-mail: vas.ship@mail.ru

Юрий Владимирович Пуцаев — кандидат философских наук, старший научный сотрудник философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, старший научный сотрудник ИНИОН РАН, научный редактор журнала «Ортодоксия», 119991, Москва, Ленинские горы, 1, e-mail: putschaev@mail.ru

Родион Владимирович Михайлов — кандидат политических наук, главный редактор журнала «Тетради по консерватизму», шеф-редактор журнала «Ортодоксия», 115184, Вишняковский пер., 2, e-mail: r.mikhailov@isepr.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 15.11.2025; одобрена после рецензирования 20.11.2025; принята к публикации 25.11.2025.

P. N. Rogovoy

“PALOMNIK” PUBLISHING HOUSE,
MOSCOW, RUSSIA

V. A. Shchipkov

“ORTHODOXIA” JOURNAL,
MOSCOW, RUSSIA

Yu. V. Pushchaev

“ORTHODOXIA” JOURNAL,
MOSCOW, RUSSIA

R. V. Mikhailov

“ORTHODOXIA” JOURNAL,
MOSCOW, RUSSIA

Underground Religious Samizdat in the Soviet Period: An Eyewitness Account. An Interview with Pavel Rogovoy

Abstract. During the Soviet period, samizdat (the underground press) was not limited to political or literary texts. Religious samizdat also existed as a significant phenomenon. Believers printed and circulated religious literature for themselves and like-minded people under near-underground conditions, relying on secrecy, concealment, and various informal strategies to evade state control. To shed light on how these practices were organized, the editorial team of the “Orthodoxia” journal spoke with a direct participant in these events, Pavel Rogovoy, who was one of the leading figures of underground Orthodox samizdat in the Soviet era and the general director of the “Palomnik” publishing house.

Keywords: religious samizdat, Orthodox underground, Brezhnev era, perestroika, Pavel Rogovoy, Viktor Burdyug, Orthodox dissidents, Soviet period

For citation: Rogovoy, P. N., Shchipkov, V. A., Pushchaev, Yu. V., Mikhailov, R. V. (2025). Underground Religious Samizdat in the Soviet Period: An Eyewitness Account. An Interview with Pavel Rogovoy. *Orthodoxia*, (4), 142–157. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-4-142-157

About the authors:

Pavel Nikolaevich Rogovoy — “Palomnik” publishing house, Editor-In-Chief, st. Plekhanovskaya, 15, Moscow, Russia, 11524, email: 5462533@gmail.com

Vasily Alexandrovich Shchipkov — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of International Journalism, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Director of the Russian Expert School, First Vice-Rector of Russian Orthodox University of Saint John the Divine, “Orthodoxia” journal, Deputy Editor-In-Chief, 76, prosp. Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454, e-mail: vas.ship@mail.ru

Yuri Vladimirovich Pushchaev — Candidate of Philosophical Sciences, Researcher at the Faculty of Philosophy at Lomonosov Moscow State University, Senior Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, “Orthodoxia” journal, Scientific Editor, 1, Leninskie gory, Moscow, 119991, e-mail: putschaev@mail.ru

Rodion Vladimirovich Mikhailov — Candidate of Political Sciences, “Essays in Conservatism”, Editor-In-Chief, “Orthodoxia” journal, Chief Editor, 2, Vishnyakovsky per., Moscow, Russia, 115184, e-mail: r.mikhailov@isepr.ru

Conflict of interest:

The authors declare no conflict of interests.

The article was submitted 15.11.2025; approved after reviewing 20.11.2025; accepted for publication 25.11.2025.